

The Death of a Clerk

Смерть чиновника

Anton Pavlovich Chekhov
АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

Russian original published 1883
English translation by Constance Garnett, from *Love and
Other Stories*, published 1923

This edition Copyright ©2024 Latchkey LLC
<https://latchkeyai.com>

ONE fine evening, a no less fine government clerk called Ivan Dmitritch Tchervyakov was sitting in the second row of the stalls, gazing through an opera glass at the Cloches de Corneville.

He gazed and felt at the acme of bliss.

But suddenly.... In stories one so often meets with this "But suddenly."

The authors are right: life is so full of surprises!

But suddenly his face puckered up, his eyes disappeared, his breathing was arrested... he took the opera glass from his eyes, bent over and...

"Aptchee!!!"

he sneezed as you perceive.

It is not reprehensible for anyone to sneeze anywhere.

Peasants sneeze and so do police superintendents, and sometimes even privy councillors.

All men sneeze.

В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола».

Он глядел и чувствовал себя на верху блаженства.

Но вдруг... В рассказах часто встречается это «но вдруг».

Авторы правы: жизнь так полна внезапностей!

Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и....

апчхи!!!

Чихнул, как видите.

Чихать никому и нигде не возбраняется.

Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники.

Все чихают.

Tchervyakov was not in the least confused, he wiped his face with his handkerchief, and like a polite man, looked round to see whether he had disturbed any one by his sneezing.

But then he was overcome with confusion.

He saw that an old gentleman sitting in front of him in the first row of the stalls was carefully wiping his bald head and his neck with his glove and muttering something to himself.

In the old gentleman, Tchervyakov recognised Brizhalov, a civilian general serving in the Department of Transport.

"I have spattered him," thought Tchervyakov,

"he is not the head of my department, but still it is awkward.

I must apologise."

Tchervyakov gave a cough, bent his whole person forward, and whispered in the general's ear.

"Pardon, your Excellency, I spattered you accidentally..."

Червяков нисколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем?

Но тут уж пришлось сконфузиться.

Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то.

В старичке Червяков узнал статского генерала Брижжалова, служащего по ведомству путей сообщения.

«Я его обрызгал! — подумал Червяков.

— Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко.

Извиниться надо».

Червяков кашлянул, подался туловищем вперед и зашептал генералу на ухо:

— Извините, ваше —ство, я вас обрызгал... я нечаянно...

"Never mind, never mind."

— Ничего, ничего...

"For goodness sake excuse me, I...

— Ради бога, извините.

I did not mean to."

Я ведь... я не желал!

"Oh, please, sit down!

— Ах, сидите, пожалуйста!

let me listen!"

Дайте слушать!

Tchervyakov was embarrassed, he smiled stupidly and fell to gazing at the stage.

Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену.

He gazed at it but was no longer feeling bliss.

Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал.

He began to be troubled by uneasiness.

Его начало помучивать беспокойство.

In the interval, he went up to Brizhalov, walked beside him, and overcoming his shyness, muttered:

В антракте он подошел к Брижжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

"I spattered you, your Excellency, forgive me... you see... I didn't do it to ...."

— Я вас обрызгал, ваше — ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...

"Oh, that's enough... I'd forgotten it, and you keep on about it!"

— Ах, полноте... Я уж забыл, а вы всё о том же!

said the general, moving his lower lip impatiently.

— сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

"He has forgotten, but there is a fiendish light in his eye," thought Tchervyakov, looking suspiciously at the general.

«Забыл, а у самого ехидство в глазах, — подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала.

"And he doesn't want to talk.

— И говорить не хочет.

I ought to explain to him... that I really didn't intend... that it is the law of nature or else he will think I meant to spit on him.

He doesn't think so now, but he will think so later!"

On getting home, Tchervyakov told his wife of his breach of good manners.

It struck him that his wife took too frivolous a view of the incident; she was a little frightened, but when she learned that Brizshalov was in a different department, she was reassured.

"Still, you had better go and apologise," she said,

"or he will think you don't know how to behave in public."

"That's just it!

I did apologise, but he took it somehow queerly... he didn't say a word of sense.

There wasn't time to talk properly."

Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел.

Теперь не подумает, так после подумает!...»

Придя домой, Червяков рассказал жене о своем невежестве.

Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Бризжалов «чужой», успокоилась.

— А все-таки ты сходи, извинись, — сказала она.

— Подумает, что ты себя в публике держать не умеешь!

— То-то вот и есть!

Я извинялся, да он как-то странно... Ни одного слова путного не сказал.

Да и некогда было разговаривать.

Next day Tchervyakov put on a new uniform, had his hair cut and went to Brizhalov's to explain; going into the general's reception room he saw there a number of petitioners and among them the general himself, who was beginning to interview them.

After questioning several petitioners the general raised his eyes and looked at Tchervyakov.

"Yesterday at the Arcadia, if you recollect, your Excellency," the latter began, "I sneezed and... accidentally spattered... Exc...."

"What nonsense.... It's beyond anything!

What can I do for you," said the general addressing the next petitioner.

"He won't speak," thought Tchervyakov, turning pale;

"that means that he is angry.... No, it can't be left like this....

I will explain to him."

На другой день Червяков надел новый вицмундир, подстригся и пошел к Бризжалову объяснить... Войдя в приемную генерала, он увидел там много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже начал прием прошений.

Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова.

— Вчера в «Аркадии», ежели припомните, ваше —ство, — начал докладывать экзекутор, — я чихнул-с и... нечаянно обрызгал... Изв...

— Какие пустяки... Бог знает что!

Вам что угодно? — обратился генерал к следующему просителю.

«Говорить не хочет! — подумал Червяков, бледнея.

— Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить...

Я ему объясню...»

When the general had finished his conversation with the last of the petitioners and was turning towards his inner apartments, Tchervyakov took a step towards him and muttered: "Your Excellency!

If I venture to trouble your Excellency, it is simply from a feeling I may say of regret!...

It was not intentional if you will graciously believe me."

The general made a lachrymose face, and waved his hand.

"Why, you are simply making fun of me, sir,"

he said as he closed the door behind him.

"Where's the making fun in it?"

thought Tchervyakov,

"there is nothing of the sort!

He is a general, but he can't understand.

If that is how it is I am not going to apologise to that fanfaron any more!

The devil take him.

Когда генерал кончил беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты, Червяков шагнул за ним и забормотал:

— Ваше —ство!

Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше —ство, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!..

Не нарочно, сами изволите знать-с!

Генерал состроил плаксивое лицо и махнул рукой.

— Да вы просто смеетесь, милостисдарь!

— сказал он, скрываясь за дверью.

«Какие же тут насмешки?»

— подумал Червяков.

— Вовсе тут нет никаких насмешек!

Генерал, а не может понять!

Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном!

Чёрт с ним!

I'll write a letter to him, but I won't go.

By Jove, I won't."

So thought Tchervyakov as he walked home;

he did not write a letter to the general,

he pondered and pondered and could not make up that letter.

He had to go next day to explain in person.

"I ventured to disturb your Excellency yesterday," he muttered, when the general lifted enquiring eyes upon him, "not to make fun as you were pleased to say.

I was apologising for having spattered you in sneezing.... And I did not dream of making fun of you.

Should I dare to make fun of you, if we should take to making fun, then there would be no respect for persons, there would be...."

"Be off!"

yelled the general, turning suddenly purple, and shaking all over.

Напишу ему письмо, а ходить не стану!

Ей-богу, не стану!»

Так думал Червяков, идя домой.

Письма генералу он не написал.

Думал, думал, и никак не выдумал этого письма.

Пришлось на другой день идти самому объяснять.

— Я вчера приходил беспокоить ваше —ство, — забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, — не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать.

Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с..., а смеяться я и не думал.

Смею ли я смеяться?

Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...

— Пошел вон!!

— гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.

"What?"

asked Tchervyakov, in a whisper
turning numb with horror.

"Be off!"

repeated the general, stamping.

Something seemed to give way in
Tchervyakov's stomach.

Seeing nothing and hearing
nothing he reeled to the door,
went out into the street, and went
staggering along....

Reaching home mechanically,
without taking off his uniform, he
lay down on the sofa and died.

— Что-с?

— спросил шёпотом Червяков,
млея от ужаса.

— Пошел вон!!

— повторил генерал, затопав
ногами.

В животе у Червякова что-то
оторвалось.

Ничего не видя, ничего не
слыша, он попятился к двери,
вышел на улицу и поплелся...

Придя машинально домой, не
снимая вицмундира, он лег на
диван и... помер.